

СВЯТОЙ ПИЙ X

М. Н. ГАВРИЛОВ
И.
СВЯЩ. С. ТЫШКЕВИЧ

СВЯТОЙ
ПИИ Х

RUSSIAN CENTER
FORDHAM UNIVERSITY
NEW YORK

1955

СВЯТОЙ ПИЙ X

РАННИЕ ГОДЫ.

Риезе — небольшое местечко недалеко от Венеции. В первой половине XIX века население Риезе не превышало двух тысяч человек. Местечко состояло из одной улицы, по обеим сторонам которой тянулись одноэтажные домики с садами позади. До 1866 года вся Венецианская область принадлежала Австро-Венгрии.

В тридцатых годах прошлого столетия один из домиков единственной улицы Риезе принадлежал Джiovанни Баттиста Сарто, женатому на Маргарите, урождённой Сансон, происходившей из соседней деревни. Сам Сарто служил рассыльным в Риезской Городской Управе, получая за это около шести рублей в месяц, переводя на русские деньги, по курсу до 1914 года. В другой деревне у Сарто было ещё два ничтожных по величине участка земли. Всё это не могло доставить средств к жизни. Помогала жена Сарто своей неутомимой усидчивой работой. Ещё до замужества она работала швеей, и вот теперь, окончив все свои работы по хозяйству и по уходу за детьми, она принималась за шитьё передников и платьев, заказанных соседями.

Если и приходилось ей немного отдыхать, то только по воскресеньям.

У супругов Сарто было десятеро детей, из которых выжило восемь — шесть девочек и двое мальчиков. Старшим из них был Джузеппе (Иосиф), родившийся 2 июня 1835 года. Он-то и стал впоследствии папой. Его уменьшительное имя было Беппи или Беппе; так его и называли в семье.

С семи лет Беппи стал ходить в местную начальную школу. Мальчики и девочки учились там вместе. Учила детей высокая, худая, черноволосая учительница, по фамилии Бруна. Она была очень добра к детям. От госпожи Бруна маленький Беппи вскоре перешёл в школу учителя Франческо Джекерле.

Уже с этих лет Беппи не скрывал своего желания стать священником, сознавая вместе с тем, что надежда эта вряд ли осуществится, ввиду крайне скудных средств его родителей. Но его приходский священник, дон Фузарини, всячески отличал его: взял его в состав прислужников при алтаре и постоянно поддерживал в нём надежду стать священником.

Между уроками Беппи помогал семье: во время жатвы собирал колосья для кур, дома он учил читать своих маленьких сестёр, в страстную пятницу ходил по приходу собирать пасхальные яйца...

В 1845 году он был миропомазан. В том же году гостивший у о. Фузарини его друг, тоже

священник, взял Беппи с собою в Венецию. Площадь св. Марка, прогулка на гондоле, всё это произвело на мальчика неизгладимое впечатление. В 1847 году, на третий день Пасхи, Беппи удостоился первого Причащения. Ему было уже 12 лет. Впоследствии, когда, уже будучи папой, он установил обычай раннего причащения для детей, он несомненно не раз вспоминал о своём собственном первом Причащении.

Спустя немного времени после этого, учитель Джекерле официально сообщил супругам Сарто, что Джузеппе окончил весь курс его школы: мальчика надо перевести в школу следующей, высшей степени. Что делать? Ведь средств на продолжение учения нет. Но неизменный друг нашего мальчика, дон* Фузарини, как всегда, обнадеживал его. «Бог поможет, а пока что посылайте его в гимназию в Кастельфранко; это довольно далеко, но у него ноги молодые»,—говорил он родителям. И вот однажды утром Джузеппе отправился в путь, сопровождаемый своим прежним учителем. От Риезе до новой школы в Кастельфранко было более 7 километров. Таким образом, мальчику приходилось совершать около пятнадцати километров пешком ежедневно—в школу и обратно. Чтобы уменьшить расходы своих бед-

* По итальянски «дон» то же что «досточтимый господин», «отец».

ных родителей, Бешпи обыкновенно проходил всё это расстояние босиком и надевал сапоги только в школе.

В 1850 году Джузеппе Сарто исполнилось пятнадцать лет. А дальше что? Чтобы стать священником, нужно ещё восемь лет учиться. А откуда взять на это денег? Дон Фузарини всё утешал, всё обнадеживал. И совершенно неожиданно ему удалось выхлопотать для Джузеппе стипендию для бесплатного образования на полном казенном содержании в Падуанской духовной семинарии.

В семинарии Бешпи учился прекрасно. Редко кто видел среди его отметок такие как «хорошо» или «очень хорошо»: всегда, или почти всегда, стояло — «прекрасно» или «отлично». Не менее высокой была и общая оценка будущего первосвященника: «образцовое поведение», «подаёт большие надежды». В архивах ректора Падуанской семинарии была найдена впоследствии следующая пометка: «Семинарист Сарто — настоящий ангел; он бесспорно лучший в своём классе».

Во время своего пребывания в семинарии Джузеппе понёс тяжёлую утрату: скончался его шестидесятилетний отец, после которого осталась тридцатидевятилетняя вдова и дети. Пенсии, по тогдашним тамошним законам, в таких случаях не полагалось.

19 сентября 1857 года наш семинарист стал иподиаконом. 27 февраля следующего года он

был рукоположен в диаконы и, наконец, 18 сентября того же 1858 года, на восемь месяцев раньше предписанного срока, на основании особого разрешения папы Пия IX, он был рукоположен во священники, в Кастельфранко. Мать Джузеппе присутствовала на рукоположении, и первая получила пастырское благословение от своего сына. На следующий день новый иерей отправился в Риезе. Было воскресенье. По случаю его приезда все дома были разукрашены цветами и ветками до самой церкви. В ней он опять служил обедню, и опять причастил свою мать и всех своих близких.

МОЛОДОЙ СВЯЩЕННИК

Первым местом служения дон Джузеппе было небольшое местечко Томболо, между Риезе и Кастельфранко. Настоятель приходской церкви, дон Константино, человек болезненный, был очень рад получить о. Сарто в качестве второго священника. Деятельность нового «викария» сразу направилась в сторону проповеди словом и примером. При всех своих священнических трудах, дон Сарто продолжал изучать Св. Писание и Отцов Церкви; таким образом, его проповеди и наставления всегда имели твёрдое богословское обоснование. Он давал также уроки грамоты обездоленным прихожанам; возна-

граждением служило обещание не оскорблять Господа Бога кощунствами. Чтобы иметь больше времени для «служения любовью», он спал всего четыре часа в сутки. Молодой иерей постоянно посещал больных, невзирая на погоду, подчас очень скверную. Для своего больного настоятеля он был и слугою, и послушным сыном, и братом, и заместителем. В свободное от многочисленных трудов вечернее время, он подолгу молился в церкви у алтаря Пресвятой Богородицы; это было его лучшим отдыхом.

Уже тогда у о. Сарто появилась привычка отдавать все свои скромные доходы нищим. Изредка случалось, что ему давали значительное вознаграждение за его труды; каждый раз в тот же день всё исчезало в пользу нуждающихся прихожан. Оттого его всегда видели в старом поношенном подряснике. Часто он буквально голодал, так как последние куски хлеба или сыра были отданы бедным. Неудивительно, что, когда дон Сарто должен был навсегда оставить место второго священника в Томболо, местные жители плакали и говорили: «Мы потеряли жемчужину».

В это время Венецианская область была присоединена к новообразованному Итальянскому королевству. Таким образом, дон Сарто, бывший до тех пор австрийским подданным, стал итальянцем.

В мае 1867 года дон Джузеппе Сарто был на-

значен настоятелем в Сальцано. Небольшой городок Сальцано находится между Тревизой и Падуей, в тридцати двух километрах от Риезе. Население — около 2600 человек — занималось садоводством, огородничеством и виноделием.

Деятельность нового настоятеля сводилась, главным образом, к духовно-религиозному, строго церковному, наставлению и просвещению прихожан, в особенности к развитию в них евхаристического благочестия, стремления к возможно более достойному и частому принятию Св. Христовых Таин. Он очень любил торжественные богослужения, но с устранением всего театрального и мирского. Как в Томболо, он усердно помогал больным и бедным. На все эти труды и заботы нужны были деньги, которые в случае нужды отец настоятель, когда и пока мог, черпал из собственного кармана. Иногда он приглашал кого-нибудь к обеду, вопреки желанию своей сестры Розы — его кухарки, — которая предвидела, что суп получится слишком жидким. „Воды, воды! — говорил тогда настоятель, — всё будет ладно”.

Бедным дон Джузеппе отдавал всё что мог: не только деньги, но и свои рубашки, чулки, сапоги, домашнюю утварь, скудные запасы кукурузы. Сам настоятель жил как нищий, очень часто отказывая себе в самом необходимом. Прихожане говаривали, что у него „дырявые руки”, ибо всё, что настоятель получал отку-

да бы то ни было, попадало в карманы нищих. Иные ставили ему в упрёк его „отсутствие меры в милосердии“.

Однажды его сестра Роза, возвратившись в кухню, увидела, что кастрюля, в которой варился обед настоятеля, исчезла. Брат признался ей, что только что был у него очень нуждающийся прихожанин; не имея гроша во всём доме, настоятель отдал гостю кастрюлю с тем, что в ней варилось. Обед святого настоятеля обыкновенно состоял из кукурузной каши или горохового супа; иногда он сводился к одному яйцу.

В 1873 году, во время страшной холеры, свирепствовавшей в тех местах, дон Сарто всецело отдался делу служения ближним: как священник, как любящий и утешающий брат, и как врач или больничный слуга. Покойников он часто сам носил на кладбище, чтобы обеспечить им христианское погребение. От переутомления настоятель, по словам очевидцев, „выглядел как скелет“. Когда его просили беречь себя, он отвечал: „Чего вы боитесь? Разве вы не знаете, что Господь поможет?“

Жители Сарцано гордились своим настоятелем, своим „святым батюшкой“. Даже евреи его уважали. Так один влиятельный еврей поручил ему заняться воспитанием своих внуков, поместить их в хороший интернат.

Отцу Сарто было сорок лет, когда в 1875 году местный епископ назначил его епархиаль-

ным секретарём и духовным руководителем семинарии в Тревизе. Дон Джузеппе стал главным помощником директора семинарии. В питомцах духовной школы он умело развивал дух устойчивого благочестия и требовал от них иерейского благоприличия; не раз упрекал он тех, кто „крестится, будто муху хочет прогнать”. Поразительны были работоспособность и апостольское трудолюбие отца духовника; он всегда работал до глубокой ночи, а бывало и так, что семинарский служитель придя утром прибирать его комнату, находил постель несмятой и понимал, что священник не ложился спать вовсе.

Его упование на Провидение не знало границ; о нём говорили, что он «доверяет Провидению, как ребёнок доверяет матери».

При всех своих многочисленных занятиях дон Сарто всегда ещё находил время, чтобы посещать больных или „добывать деньги” для оказания помощи нуждающимся.

Ещё 9 июня 1883 года, под водительством тогдашнего своего епископа Аполлоцио, он ездил в Рим в качестве одного из руководителей Тревизского паломничества. Там он впервые видел палу Льва XIII, в недалёком будущем своего ближайшего предшественника. Об исключительных достоинствах своего будущего преемника Лев XIII узнал лишь позже.

ЕПИСКОП МАНТУАНСКИЙ

В сентябре 1884 года Преосв. Аполлонио, епископ Тревизский, вызвал к себе дон Сарто и сообщил ему, что Св. Отец назначил его епископом Мантуи. Владыка Аполлонио и рад был этому назначению и очень им опечален. Дело в том, что Мантуя представляла собою город для епископского управления на редкость трудный и для пастырской деятельности неблагоприятный. Некоторые священники, находясь в культурном отношении под влиянием немецкой пантеистической философии, колебались в вере. Бывали случаи и полного разрыва с Церковью. Многие настоятели приходов пренебрегали проповедью церковного учения. Число невенчаных пар всё росло. Народные массы вовлекались в антицерковный социализм Ферри, известного итальянского агитатора. Во главе такой епархии нужно было возможно скорее поставить настоящего пастыря, такого, который был бы поистине Божиим человеком и апостолом. Лев XIII, в это время уже знавший о достоинствах дон Сарто, избрал для Мантуи именно его. Прощаясь после приёма в Риме, папа сказал ему несколько ободряющих слов: „Если мантуанцы не полюбят своего нового Владыку, значит, они не смогут полюбить никого“.

Дон Сарто был хиротонисан в епископы в Риме кардиналом Парокки 16 ноября 1884 года. Но

надо было ещё долго ждать утверждения со стороны антирелигиозного правительства. Страстную неделю следующего года епископ Сарто провёл в приходе родной деревни. Он приехал в Мантую 18 апреля 1885 года в 7 часов вечера. Его встретила огромная толпа.

Первой заботой нового епископа была духовная семинария, находившаяся в полном упадке. Семинаристов было так мало, что в 1885 году только один мог быть рукоположен во священники. „А мне сейчас нужно сорок священников”, — говорил с болью в сердце епископ. По этому поводу Владыка Сарто обнародовал особое пастырское воззвание. В нём говорилось, что обучение в семинарии должно давать священников, обладающих серьёзной подготовкой, тем образованием, которое в своём единстве и глубине одно только способно согласовать непреложные требования веры и права разума, данного Богом людям для служения Ему; тут сказалось отличное знакомство Пресв. Иосифа с творениями Отцов Церкви. Епископ постоянно внимательно следил за ходом преподавания в семинарии: он посещал её несколько раз в неделю, присутствовал на уроках, сам преподавал богословие, спрашивал воспитанников и т. д. Усилия святого архипастыря увенчались полным успехом: года два спустя, семинария в Мантуе по сверхприродному духу преподавателей и воспитанников была одной из лучших в Италии. Несмотря на

то, что святитель принимал в семинарию только выдающихся в духовном отношении юношей, дом вскоре был переполнен.

Епископ Иосиф часто посещал священников своей епархии. Он хорошо знал, что экономическое положение духовенства очень тяжко. Поэтому, для избежания материальных трат, приёмы епископа происходили просто на церковной паперти. С отеческою твердостью и любовью он обращал внимание священников на разные недочёты. Ради восстановления порядка, был возобновлен старый обычай созывать всех священников на епархиальные съезды для соборного обсуждения назревших вопросов. Первое же такое собрание вызвало огромный церковно-религиозный подъём; было установлено обязательное объяснение Св. Евангелия каждое воскресенье, учреждались католические кружки молодёжи, налаживались согласно требованиям канонического права отношения духовенства к светским властям.

Владыка Иосиф много потрудился над преобразованием церковного пения в духе старинных правил, так называемого «полного напева».

Требую благочиния от своего духовенства, Мантуанский епископ ещё большего требовал от самого себя. Вставал он обычно в 5 часов утра, служил обедню в своей домово́й церковке и шёл затем в свою исповедальню, находящуюся в кафедральном соборе. Вернувшись из

собора, он выпивал чашку чёрного кофе — это была его утренняя еда, — а затем уединялся в своём рабочем кабинете. Посетителей он принимал в любое время.

Однажды утром ему пришлось принять одного священника, просившего у него разрешения посетить епархиальную библиотеку. „Вы, может быть, ещё не успели отслужить Литургию?“ — спросил его епископ. „Нет, я уже отслужил её в соборе“, — ответил пришедший. „Тогда не угодно ли Вам будет выпить чашку кофе?“ И епископ позвал свою сестру, служившую ему кухаркой, но та ещё не вернулась из церкви. Хозяин и гость спустились в кухню. Таким образом, Преосв. Иосиф, будущий папа Пий X, готовил утренний кофе и угощал им, как оказалось, монсиньора Ратти, заведывавшего знаменитой Амвросианской библиотекой, ставшего впоследствии на папском престоле преемником своего хозяина.

Мантуанский епископ находил время для всех. Один очевидец писал про него: «Он заходил к опечаленным, к бедным, к страждущим, он посещал больницы и тюрьмы, повсюду пробуждая христианское воодушевление». Другой свидетель говорил про него: «Он весь — самопожертвование и любовь».

Деятельность епископа Иосифа была всегда разносторонней. Он много проповедывал в приходских церквях, устраивал паломничества, тоощрял католическую печать, помогал эмиг-

рантам. При такой кипучей работе не обходилось, конечно, и без врагов. Вот один из многочисленных примеров того, как Мантуанский святитель обращался со своими недругами. Появились подметные письма, затем целые анонимные печатные сочинения. Автор одной клеветнической книги, направленной против самого епископа, был обнаружен, и все доброжелатели владыки настаивали, чтобы он немедленно же начал против виновного судебное преследование. Но святой епископ думал лишь о вечном спасении преступника и с большим рвением молился за своего врага. Вскоре этот враг внезапно окончательно разорился. Кредиторы набросились на него. У бедняги тоже были враги, пускавшие в ход все средства, чтобы несостоятельность его была объявлена злостной. И вдруг, человек оказался вне опасности. Епископ пригласил к себе одну пожилую даму-благотворительницу. „Вы ведь видите, — сказал он ей, — это несчастный, иначе его и называть нельзя; разыщите его жену и дайте ей вот это”. И он вручил ей лежавший на письменном столе конверт с очень крупной суммой денег, достаточной для уплаты всех долгов несчастного банкрота. На прощание епископ сказал: „Только никому не говорите, что это от меня. Если он будет слишком настаивать, чтобы узнать, откуда эти деньги, Вы можете сказать, что Дама собравшая их для него — самая милосердная из всех; это — Пресвя-

тая Богородица Постоянной Помощи".*

В своих пастырских посланиях ревностный архиерей подчёркивал необходимость смирения, то есть, на практике, — послушания законной церковной иерархии. Он защищал чистоту веры и с возмущением отвергал всякое „приспособление“ догматов к философии; он считал тяжким преступлением даже малейший укл от истины и не переносил сделок с совестью в вопросах нравственности.

Мантуанский епископ постоянно призывал мирян к более активному участию в жизни Церкви. При всяком удобном случае, он настаивал на долге совести защищать попранные права рабочих.

Наш святитель обладал красноречием святых. Один богослов, знаток святоотеческих творений, говаривал: «Слушая Преосв. Иосифа, я имею впечатление, что слышу одного из Отцов Церкви».

Как пастырь, епископ редко проявлял строгость. Он предпочитал воздействовать на пасомых „поразительной добротой“, как они выражались. Нередко он пробуждал совесть пасомого одним взглядом, отеческой улыбкой, невинной шуткой или ласковым движением руки. Этим методом он очень многих спас от вечной гибели, отчаяния, потери веры.

* Это — весьма чтимая чудотворная икона Божией Матери, известная на Западе под этим названием, а у нас, на Востоке, — под названием Страстной.

Один преподаватель гимназии был при смерти после жизни проведённой без Церкви, без Св. Таинств; из уст умирающего были слышны только проклятия и богохульства. Епископ велел спросить его, готов ли он принять „вашего друга Сарто“. Больной согласился. Епископ пошёл к нему и говорил с ним действительно „как друг“. Больной покаялся и на следующий день умер прекрасною христианскою смертью.

Однажды святитель проходил мимо еврейского кладбища. „Будет ли угодно Господу, если мы помолимся за этих бедных усопших евреев?“ — спросил он сопровождавшего его молодого доктора богословия. Богослов начал по учёному пространно рассуждать на эту тему. Но епископ прервал его, снял шляпу и стал молиться за души похороненных тут евреев. „Господь имеет свое особенное богословие“, — сказал он в заключение.

Исполняя свой пастырский долг, Владыка Иосиф не боялся угроз и „непопулярности“. Всегда мягкий и ласковый со всеми, он был неумолим, когда христианские принципы были в опасности. В таких случаях никакая критика не могла его остановить.

Нищие в любое время могли свободно заходить к епископу в комнату. Подчас их у него толпилось много. Он имел особенное сострадание для тех, кто долго, с детства, жил в условиях удобной жизни и внезапно впал в крайнюю нищету. Таким „новичкам“ он помогал очень

тактично и незаметно. Чтобы помочь нуждающимся, он, как и раньше, жертвовал буквально всем, чем мог располагать, даже архипастырским перстнем. Свой первый епископский перстень он получил в подарок от одной богатой дамы. Это кольцо было высокой стоимости из-за вделанного в него крупного бриллианта. Епископ сразу же продал алмаз и вырученные деньги роздал нищим, а в перстень велел вделать... кусок разбитого стакана.

Уклад его частной жизни был, как и прежде, очень скромный и простой. Квартира и еда были у него не лучше, чем у самого бедного приходского священника. Не было у него ни повара, ни экипажа. Епископ сам себе чистил сапоги и подметал комнату.

ВЕНЕЦИАНСКИЙ ПАТРИАРХ И КАРДИНАЛ

31 декабря 1893 г. скончался Венецианский патриарх, Доминик Агостино. Лев XIII хотел было назначить на его место Тревизского епископа Аполлоньо, но тот отказался, ссылаясь на преклонные годы и болезненное состояние. Тогда папа решил назначить патриархом в Венецию Сарто, возведя его предварительно в кардинальское достоинство; этим Св. Отец хо-

тел подчеркнуть, что кардинальская шляпа даётся ему за его личные заслуги. Для смиренного Мантуанского епископа стать кардиналом и патриархом было тяжким ударом. Он просил умолял папу избавить его от служения, к которому он считал себя неподготовленным и неспособным. Со слезами на глазах он пытался фактами доказать, что он не достоин этого доверия. Он дал свое согласие только после того, как кардинал Рамполла, ближайший сотрудник папы, в частном письме сообщил ему, что его окончательный отказ огорчит Св. Отца. Назначение состоялось.

Однако въехать в Венецию, в качестве вновь назначенного её патриарха, кардиналу Сарто удалось не раньше осени 1894 года. Это промедление произошло по вине правительства и местных венецианских городских властей, присвоивших себе право окончательного утверждения епископа, из-за чего и происходили такие задержки. Антихристиански настроенные министры и чиновники ни за что не хотели видеть кардинала Сарто на Венецианской кафедре, так как просто боялись его влияния, его огромной духовной силы. Про него они говаривали: „Это железные руки в бархатных перчатках“.

Кардиналу пришлось пока ехать снова в Мантую. Приём был исключительно восторженный. В октябре святитель поехал к себе на родину. Прежде всего он пошёл в ту церковь, где его

крестили, а потом в тот домик, где он родился и провёл своё детство. Матери его было 81 год, она была больна и лежала в кровати. Он пришёл к ней, надев, по её желанию, кардинальские знаки отличия. Она была радостно взволнована. А он шутил с матерью и почасту благословлял её. Это была их последняя встреча, она скончалась в феврале 1894 года.

Враги Церкви, члены итальянской либеральной партии, тогда в тесном союзе с итальянскими масонами, не переставали вести борьбу против Сарто, всячески мешая государственному утверждению его на Венецианской патриаршей кафедре. Один из главных политических борцов этой партии выпустил в конце 1894 года ряд статей, призывая вонзить нож „в сердце великого врага“, а „великий враг“, понятно, христианство и „сердце“ — папство.

5 сентября 1894 года, в день, когда светские власти были вынуждены уступить общественному мнению и признать назначение кардинала Сарто Венецианским патриархом, новый патриарх в пастырском послании к своим пасомым ясно и точно определил общее направление своего будущего служения, указав его руководящие линии.

«Бог изгнан из политики, — писал патриарх, — по теории отделения Церкви от Государства; Он изгнан из науки, посредством сомнения возведённого в систему; Он изгнан из искусства, обезображенного

реализмом; Он изгнан из человеческих законов, искажённых моралью плоти и крови; Он изгнан из школ упразднением Закона Божия; Он изгнан из семьи, которую секуляризуют с самого момента её возникновения и лишают благодати таинства. Бог изгнан из убогой хижины крестьянина, и когда этот крестьянин стонет от мук, его учат сомневаться в помощи Того, Кто один только может облегчить его тяжелую жизнь. Он изгнан из дворцов богачей, где уже больше не помнят о должном страхе перед Вечным Судьей, Который некогда потребует от богатых людей отчёта в управлении вверенными им благами».

Каковы же те средства, коими можно будет помочь в стольких бедах?

«Мы должны бороться с этим главным грехом нашего времени, с возведением человека на Божий престол. Силы для преодоления всех этих смертоносных ересей подаются Церковью, приносящей свет евангельских заповедей и поучений... Необходимо восстановить христианские начала во всех общественных отношениях, умирить землю и населить небо. Вот в чем заключается мое служение среди вас, и в нем я всякое дело подчиняю воле Господа Бога, Иисуса Христа, и Его наместника на земле».

И далее патриарх определяет сущность послушания Отцу всех христиан следующими словами: «Когда слышны изречения наместника Господа нашего Иисуса Христа..., то не следует перетолковывать ясные слова папы, чтобы исказить их смысл; нельзя толковать волю папы, разрушая совершенно её очевидную сущность... Взвешивать суждения папы и критиковать его веления, значит желать косвенным образом нанести оскорбление Самому Господу нашему Иисусу Христу. Общество в болезни, все части его тела поражены; единственное убежище, единственное лекарство — Христово послушание».

В заключительном обращении к духовенству патриархата святитель писал: «Истинный священник должен обнажать перед вверенным его попечению стадом устраиваемые либералами опасные западни и коварные ухищрения. Вас будут называть папистами, клерикалами, мракобесами, непримиримыми. Гордитесь этим! Будьте стойкими и повинуйтесь той заповеди, о которой напоминает Исаия: *Взывай громко, не удерживайся; возвьсь голос твой, подобно трубе, и укажи народу Моему на беззаконие его, и дому Иаковлеву — на грехи его* (Ис. 58, 1)».

24 ноября 1894 г. состоялась в Венеции торжественная встреча патриарха Иосифа Сарто. Все здания были украшены флагами, все, кроме городской управы. Родные сестры патриар-

ха отправились в город заранее, так как их брат не допускал никого другого кроме них для ведения хозяйства и своих личных услуг. Ему предлагали взять настоящего повара. „Зачем мне повар? — сказал святитель — чтобы сварить поленту (дешевая кукурузная каша), мне достаточно моих двух сестёр”. И вообще в Венеции святой архиерей не отступал от принятого образа жизни: как всегда, он вставал в 5 часов утра и, отслужив Литургию, выпивал свою обычную чашку кофе; ложился он в 12 ночи, а если не хватало времени, то подолгу еще засиживался за работой. В патриаршем дворце святой архипастырь занимал только две небольшие комнатки, из которых он велел убрать всё „роскошное”, зеркало, например.

Он всегда держал себя с иерейским достоинством, а, вместе с тем, и с исключительной доступностью и простотой. Гуляя по улицам Венеции, он запросто беседовал с прохожими и с гондольерами. У него был и свой гондольер, так как ему подарили гондолу,* но беспокоил он его только в дни исключительных торжеств.

Для благотворительности у него почти не было постоянных средств. И вот, чтобы выйти из такого положения, патриарх, когда всё, чем он располагал, было роздано бедным, по несколько раз в год закладывал свой архиерейский перстень. У него были еще кем-то подаренные

* Гондола — венецианская плоскодонная лодка.

ему золотые часы; но дарителю пришла коварная мысль выгравировать на крышке часов патриарший герб; а часы с таким гербом не пошлешь же в заклад и не сможешь продать, чтобы вырученные деньги отдать нищим! И кардинал Сарто часто жаловался на это лукавство дарителя.

Как в Мантуе, святитель думал, прежде всего, о духовенстве. Он навещал своих священников, или просто с благожелательным приветствием, или для того, чтобы призвать кого нужно к порядку. Он действовал всегда с апостольской твердостью, но в то же время с отцовскою любовью. Грубо провинившихся священников он исправлял, главным образом, ночами, которые он проводил в слезах и в горячей молитве. Оклеветанных священнослужителей он защищал во всеуслышание. Нуждающимся настоятелям он помогал, отдавая всё до последней копейки или рубашки. Он всегда охотно замещал больных или переутомлённых священников. В исполнении их обычного пастырского служения, он проявлял себя их братом и сослужителем. Подчас он прислуживал им за Литургией. За то духовенство его обожало и доверялось ему: все были убеждены, что патриархом руководит какая-то особая благодать.

По отношению к каждому человеку он всегда выказывал себя справедливым и беспристрастным, без примеси чего-либо такого, что

могло бы иметь вид злоупотребления авторитетом.

В Венеции очень любили торжественные и пышные проповеди, но патриарх Иосиф не столько ценил искусство построения проповеди, сколько евангельскую простоту её содержания. Он велел, чтобы по воскресным и праздничным дням Св. Писание объяснялось на местном наречии. Сам он проповедывал всегда живо, конкретно, для всех понятно и весьма часто на венецианском диалекте.

В 1900 году патриарх лично руководил говением всех заключённых городской тюрьмы; своими проповедями он возбудил в них такое доверие, что все они—около 250 человек—исповедались у него и причастились Св. Таин.

Когда надо было помочь умирающему, патриарх не знал никаких опасений и не боялся неприятностей. Один венецианец, еще недавно бывший масоном и антикатоликом, был при смерти и хотел видеть при себе священника. Узнав об этом, патриарх сам взял Св. Дары и пошёл к больному. Родственники умирающего встретили его ругательствами и хотели силою помешать ему войти к больному. Но патриарх строгим взглядом привёл их в замешательство и без дальнейших разговоров прошёл прямо к своему страждущему духовному сыну.

Он был везде, где люди страдают, и его прозвали ангелом-утешителем.

Патриарх очень много заботился об органи-

заций кружков молодежи, а позже, следуя указаниям папы Льва XIII, неусыпно трудился также в области католического социального движения. Он поддерживал все учреждения и предприятия, направленные к улучшению положения рабочего класса, и содействовал организации земледельческих объединений для исправления недостатков существующего аграрного строя; в этих недостатках были повинны, главным образом, крупные земельные собственники. В Венецианской области было основано 27 касс взаимопомощи для рабочих.

Церковь в Италии находилась под прямой угрозой масонов, стремившихся к её уничтожению, и в первую очередь под эту угрозу попадала школа. И кардинал Сарто неустанно повторял одну и ту же фразу: «Если бы мне приходилось выбирать между построением школы и сооружением церкви, то, конечно, я начал бы со школы, потому что христианская школа наполнит мою церковь, а безбожная школа её опустошит».

Свое отношение к необходимости создания католической печати патриарх выразил в следующих словах: «Вы напрасно будете строить храмы, напрасно будете проповедывать, устраивать миссии, основывать училища, все ваши дела и старания пропадут зря, если вы не сумеете создать свою прессу, одновременно и оборонительную и наступательную, но притом честную и искреннюю». Венецианская католи-

ческая газета «Ля Дифеза» («Защита») оказалась однажды в крайне тяжёлом материальном положении; тогда патриарх стал повсюду искать помощи; однажды он сказал своим приближённым: «Если бы я должен был снять наперсный крест и пожертвовать всеми церковными облачениями и всей церковной движимостью для обеспечения существования «Ля Дифеза», то я сделал бы это с полной охотой».

Ревностный венецианский патриарх много потрудился над распространением среди клира и мирян всенародного почитания Пресв. Евхаристии. С этой целью он собрал в Венеции, в августе 1898 года, «Международный Евхаристический Съезд». Молитвенный подъём царивший на этом съезде был вдохновлён в значительной мере самим патриархом. Да и вообще патриарх понимал, что без глубокого почитания Евхаристии подлинная священническая жизнь невозможна; он нередко проводил всю ночь в молитве перед Св. Дарами.

Когда патриарх служил в какой-либо церкви, он казался преображённым. В его облике было что-то лучезарное, неземное. Он терпеть не мог в храмах всё театральное, чувственно-восхитительное, лже-умилительное, в особенности в области церковного пения. Во время богослужения он допускал только строгий „григорианский“ напев или, подобные ему, старинные, чисто религиозные напевы. Он не хотел, чтобы пение в церкви было исключительным

достоянием особого хора. Он возмущался, когда для исполнения священных песнопений в церкви приглашались артисты невысокого нравственного уровня.

Бесстрашный архиерей говорил всем правду в глаза: антиклерикальным министрам; лидерам политических партий, попирающим права Церкви; художникам, оскорбляющим начала христианской нравственности. Своею смелостью он воодушевлял массы и привлекал их к деятельному участию в борьбе с безбожием. Когда владыка Иосиф впервые приехал в Венецию в качестве её патриарха, население города приветствовало его, по местному обычаю, держа все окна открытыми; только в муниципалитете, где хозяйничали враги Церкви, окна остались демонстративно закрытыми. Об этом сообщили патриарху. «Ничего, — сказал он спокойно в ответ, — вскоре мы откроем окна муниципалитета». И, действительно, во время ближайших административных выборов народные массы под влиянием своего пламенного архипастыря поднялись в защиту веры, масонская партия потерпела поражение, и городское управление перешло в руки католиков: при церковных торжествах все окна муниципалитета открывались настежь.

Как и раньше, наш подвижник был отцом нищих. По выражению коротко знавших его людей, он отдавал бедным „всё что мог и еще больше”. Говорили также: „Деньги у него уле-

тучиваются в сторону нуждающихся". Чтобы экономить деньги для страждущих, сам патриарх жил в подлинной бедности. Одному священнику он писал: «В Мантуе я был нищим, здесь я просто оборванец». Подчас за обедом он совсем ничего не ел и говорил: «Ничего не могу проглотить, когда столь многие голодают». Нуждающимся он отдавал всё, что попало под руки: чулки, картины, даже разные предметы полученные им на-память от дорогих ему лиц. Оттого в народе пошла поговорка: «Наиболее бедный из всех нищих — наш патриарх». Своему секретарю он несколько раз сделал строгий выговор за то, что тот не впустил к нему назойливого просителя: «Не забывайте, что нищих надо предпочитать всем другим». Свои пожертвования он часто лично разносил по чердакам и трущобам. Ему было приятно, когда его там называли „деревенским кардиналом“.

Однажды патриарх шёл в городе, чтобы посетить одного больного мальчика. Он был одет как простой священник. По пути ему встретилась одна незнакомая крестьянка с ребёнком на руках. Вдруг дитя обернулось и, указывая матери на патриарха, громко сказало: „Мама, смотри, это папа Римский!“ Еще раньше, когда наш подвижник был епископом Мантуанским, один святой жизни юродивый монах говаривал про него: „Этот портной* сошьёт хорошее

* Сарто по-итальянски значит «портной».

латье для Церкви, он будет папой". Скептики скажут, конечно, что в этих случаях имеется лишь случайное совпадение; но предначертания Провидения исполнились, и „случаи" оказались предсказаниями.

КОНКЛАВ 1903 ГОДА

20 июля 1903 года скончался папа Лев XIII, избранный на папский престол двадцать пять лет тому назад. Через девять дней после кончины Льва XIII кардинал Сарто должен был ехать в Рим для участия в выборе нового папы. В сопровождении своего секретаря, монсиньора Брессана, он отправился на вокзал, думая, что отъезд его останется незамеченным. Но на вокзале их узнали, приветствовали и желали им скорого возвращения. Иные пожелали патриарху стать папой. «Будьте спокойны, — отвечал он всем, — живым или мёртвым, а Венеции я никогда не забуду». Когда поезд тронулся, патриарх опустил окно и ещё раз окинул взглядом множество своих пасомых и преподал благословение городу, который он, сам того не зная, оставлял навсегда.

В Риме готовились к конклаву. Во время предварительных бесед и совещаний, архиепископ Бордосский, кардинал Леко, обратившись к кардиналу Сарто на французском языке, спросил

его, какой он епархии. Патриарх сказал, что он не владеет французским языком. На это кардинал Леко ответил: „Если Вы не говорите по-французски, то не можете быть избраны папой“. „Слава Тебе, Господи!“ — воскликнул патриарх с радостной улыбкой.

Заседания конклава начались 31 июля, к вечеру. Первоприсутствующий кардинал напомнил 62 избирателям*, что они должны отстранить от себя всякие земные побуждения, всякую партийность, и не иметь в избрании нового папы иной цели, кроме славы Божией, блага Церкви, защиты её учения и её прав, и вечного спасения душ человеческих.

Однако в мировой политической печати уже называли двух кандидатов. Это были кардинал Рамполла, долголетний сотрудник Льва XIII, „сторонник французской ориентации“, по мнению журналистов, и кардинал Готти, которого почему-то считали германским кандидатом. На первом голосовании Рамполла получил 24 голоса, Готти — 17, а кардинал Сарто, о котором политические газеты и не упоминали — 5. В вечернем заседании того же дня за кардинала Сарто было подано уже 10 голосов.

* При избрании папы имеют право голоса только кардиналы; подавляющее большинство кардиналов — архиепископы или епископы крупных церковных кафедр Европы, Америки, Азии, Африки и Австралии; конклав открывается не сразу после смерти покойного первосвященника, чтобы все кардиналы успели съехаться.

Когда 2 августа утром кардиналы собрались в Сикстинской капелле для третьего голосования, то Краковский епископ, кардинал Пузына, сообщил конклаву желание императора Франца-Иосифа: Австрийский император настаивал на том, чтобы кардинал Рамполла не был избран. Это было со стороны императора совершенно незаконное посягательство на свободу Церкви. Против такой попытки воскресить давно прошедшие печальные времена вмешательства государственной власти в чисто церковные дела, участники конклава энергично запротестовали; в их заявлении говорилось между прочим, что требование императора не может быть принято конклавом во внимание ни в официальном, ни в официозном или частном порядке, а потому „и считаться с ним не будут вовсе”.

На следующем голосовании кардинал Рамполла получил 29 голосов, а патриарх Сарто — 21. Патриарх заволновался: со слезами на глазах он непрестанно умолял своих совыборщиков не голосовать больше за него, подчёркивая свои недостатки, свою неопытность в делах касающихся всей Церкви, свое незнание языков и т. д. Но все последующие голосования непрестанно выдвигали его на первое место, между тем как кардинал Готти, которого Австрийский император хотел видеть на папском престоле, получал лишь совсем незначительное количество голосов. Избрание карди-

нала Сарто становилось всё более и более оче-
видным. Чтобы сломить сопротивление Вене-
цианского патриарха, который всё ещё прс-
должал решительно отказываться от всецер-
ковного первосвятительского служения, нек-
торые кардиналы стали ему доказывать, чт-
его отказ может повредить Церкви. „Всю жизнь
будете иметь угрызения совести, если откаже-
тесь”, — почти резко сказал ему Миланский ар-
хиепископ.

На вечернем голосовании 3 августа за карди-
нала Сарто было подано 35 голосов, а на сле-
дующий день утром он был избран, получив 5
голосов, то есть больше чем нужно было, что-
бы иметь требуемых каноническим правом 2/
общего числа голосов.

Как только он услышал, что он избран, он
упал лицом на землю, моля Бога о помощи. По
словам одного очевидца, „он выглядел как осуж-
дённый на смертную казнь”. Кардинал-декан
сейчас же задал ему предписанный по чин-
избрания вопрос: „Соглашаетесь ли Вы на Ва-
ше избрание на Верховное Первосвятитель-
ство, произведённое согласно каноническим
правилам?” Патриарх ответил: „Если чаша сия
не может быть пронесена мимо меня, то да свер-
шится воля Божия”. Но такой ответ не был при-
знан достаточно утвердительным, а потому кар-
динал-декан повторил свой вопрос. „Да, я согла-
сен”, — ответил, наконец, кардинал Сарто. Тог-
да, по древнему конклавному обычаю, опусти-

Нисъ вниз все балдахины, поднятые над креслами всех выборщиков, кроме балдахина над креслом избранного. Затем кардинал-декан спросил у него, какое имя он желает носить. Новоизбранный папа ответил: «В память всех святых первосвятителей, молитвенное заступничество которых мне так необходимо и которые в прошлом веке мужественно претерпели всякие преследования против Церкви, я буду носить имя Пия». Так Венецианский патриарх стал Пием X.

Сразу же после своего избрания он заявил, что его деятельность, как видимого главы Вселенской Церкви, будет направлена, главным образом, на защиту свободы Церкви и чистоты Христова учения. Его первое окружное послание от 4 октября 1903 содержит его программу: *Instaurare omnia in Christo*, «**Всё соединить под Главою Христом**» (Ефес. 1, 10). Оно всё проникнуто глубокой верой. В нем проявляется твёрдость в исповедании этой веры и в борьбе, которую придётся предпринять против врагов имени Божия. Но всё смягчено пламенной Христовой любовью к душам человеческим. Нельзя создать никакого мира и никакого порядка, „если изъять, исключить Бога как это делается сейчас во многих странах“. Всё соединить во Христе можно лишь придя ко Христу-Главе. Этот путь совершается через послушание единой всецерковной иерархии и творческой христианской деятель-

ностью всех, клира и мирян. И Пий X рисует здесь план Католического Действования, как в области хозяйственной, так и в общественной жизни. Можно сказать, что все последующие акты и распоряжения Пия X имели своим отправным пунктом указанную энциклику.

Одним из первых его мероприятий была конституция *Sede vacante*, «**При незаемщённом первосвятительском престоле**», от 20 января 1904 года; в ней авторитетно указывалось на отсутствие каких бы то ни было прав правителей государств заявлять вето на конклавах. Запрещалось произносить такое вето под страхом отлучения от Церкви. Это постановление Пия X было вызвано вышеупомянутым выступлением Австрийского императора.

Несколько дней после своего восшествия на папский престол, Пий X возвёл в кардинальское достоинство и назначил „Государственным Секретарём“ — высшим в Католической Церкви ответственным лицом после папы — совсем ещё молодого епископа Рафаила Мерри дель Валь. Этим актом новый папа показал, что он ценит выше всего святость и что он не связан националистическими предрассудками. Владыка Рафаил был действительно прелатом глубокой, чисто священнической, жизни, он был как бы овеян благодатью; он был испанцем, а мать его была англичанкой. До самой смерти Пия X, кардинал Мерри дель Валь был его верным сотрудником и безропотно нёс тяжкое бремя.

„государственного секретаря”, то есть представителя Церкви в сношениях с разными правительствами и главами государств.

На послов при Св. Престоле новый папа произвёл огромное впечатление. Они были поражены не только его святостью, его простотою и отеческой приветливостью, но и его отчётливым пониманием подчас весьма сложных международных вопросов. Прусский посол сказал однажды кардиналу Мерри дель Валь: „Есть что-то загадочное в этом папе, достаточно на него посмотреть, чтобы испытать чарующее впечатление”. А верующие сразу увидели в нем как бы „старца старцев”, как выражался о папе Константин Леонтьев.

ГОНЕНИЕ НА ЦЕРКОВЬ ВО ФРАНЦИИ

Первым тяжким крестом, который выпал на долю нового папы, страстотерпца как и все великие римские первосвятители, были попытки французских антиклерикалов уничтожить Церковь во Франции. Парламентское большинство и правительство этой страны давно уже были в руках масонов, отъявленных врагов христианства и Церкви, в особенности „Ватикана”. С 1880 года не прекращались проявления этой враждебности: травля в печати, препятствия делаемые епископам в управлении епархиями,

конфискации церковного имущества, постепенная „ликвидация” монашеских орденов, принудительная воинская повинность для всех священников и т. д. В народных массах велась систематическая и упорная пропаганда, неизменной целью которой был отрыв французской Церкви от Рима, превращение её в независимую от папы национальную Церковь. В июле 1904 года премьер-министр Комб, достигший печальной знаменитости своим воинствующим атеизмом, в одной своей речи хвастался тем, что он закрыл 13.900 католических школ и готов закрыть ещё оставшиеся (около 3000). Безбожное правительство под различными предлогами вмешивалось в чисто канонические вопросы и, наконец, прямо запретило непосредственные сношения епископов со Св. Престолом. Ложки яростно оспаривали право папы назначать епископов.

30 июля 1904 года французское правительство в грубейшей форме порвало дипломатические сношения с Ватиканом. В нунциатуре был сделан обыск с целью найти какой-либо предлог для дальнейших преследований духовенства. Узнав об этом новом „подвиге” атеистов, Пий X сказал своему сотруднику, кардиналу Мерри дель Валь: „Будем взирать на распятие и смело идти вперёд, ибо мы на хорошей дороге”.

В декабре 1905 года французским парламентом был принят закон об „отделении Церкви

от государства". Мы теперь все знаем, что обозначает эта старая лживая формула: под ней понимается порабощение Церкви государством и использование её для антирелигиозных целей. Весь смысл этого закона был в замене католической Церкви независимой от Рима национально-государственной лже-Церковью. По этому закону, республика вскоре приступила к изгнанию монахов и монахинь из монастырей, конфискации благочестивых пожертвований и вкладов, распродаже имущества некоторых церковных учреждений и т. д.

Все ожидали, какую реакцию вызовет в Ватикане новый антирелигиозный закон. Иные думали, что папа Пий X испугается и на всё согласится. Но в эти часы тяжкой скорби первосвященник не падал духом, тщательно изучал положение, советовался с опытными людьми. Но больше всего он усердно молился ко Христу-Главе и нередко проводил целые ночи „в слезах и молитвенном бодрствовании”.

11 февраля 1906 года появилась ответная энциклика папы Пия X. Без раздражения, без озлобления, но решительно и без оговорок, папа осуждал закон об „отделении Церкви от государства”; он отказывался идти на уступки и компромиссы. Этот исторический документ есть просто бесстрашное исповедание веры и уничтожающая оценка преступной деятельности французского правительства в свете Откровения Христова. Папа указывал на ложный прин-

цип, на котором построен этот закон; положение, что государство не должно признавать никакого богопочитания, ложно и является тяжким оскорблением Бога, Создателя человека и Основателя человеческих обществ, Которому приличествует воздавать не только частное, но и общественное почитание. „Кроме того, — пишет папа, — такое положение является полным отрицанием сверхприродного порядка. Оно ограничивает всю деятельность государства только лишь достижением материального благосостояния в сей жизни, что является лишь ближайшим основанием для бытия политических обществ. Материальное благосостояние в личной и общественной жизни вовсе не есть последняя конечная цель существования этих обществ; этой конечной целью является жизнь вечная, предлагаемая человеку после окончания краткой жизни на земле”. Папа указывает также на внутреннее противоречие упомянутого закона: признав недействительным конкордат со Св. Престолом и провозгласив отделение Церкви от государства, было бы естественно предоставить Церкви свободу. Но государство этого не сделало и стремится поставить Церковь в зависимость от светской власти, подчинить себе её. Эта энциклика ободрила французских католиков.

Закон об отделении Церкви от государства

Дополнялся „Уложением о культовых союзах”. Многим могло казаться, что это прибавление дает Церкви возможность легально и свободно существовать. На самом деле оно представляло собою сатанинскую ловушку, чтобы поработить Церковь. Этим дополнительным законом храмы и недвижимые церковные имущества объявлялись собственностью государства или общины, но католическим „культовым союзам” предоставлялась возможность пользоваться церковными зданиями для религиозных целей. „Культовые союзы” должны управлять этим имуществом, вносить свои резервные фонды государству, представлять префекту отчёты в приходах и расходах, а также оказывать духовенству материальную помощь и поддержку. Государство признавало только эти „союзы” мирян; настоятели приходов оказывались всецело в зависимости от культовых союзов, в свою очередь зависящих только от государства. Закон не считался с властью епископов и папы, всё в нем было направлено к одной цели: наладить „культ” вне иерархического единства Церкви. Всё было обдуманно так, чтобы незаметно превратить поместную французскую Церковь в орудие борьбы против вселенского единства Таинственного Тела Христова. Это признавали все вожди масонства в своих ложах в речах, ставших впоследствии известными даже тем, кто не был посвящён в тайные планы этой секты. Там говорилось:

„Пока мы не убили папства, мы ничего не сделали“; „Ватикан — наш единственный враг, другие враги нам не опасны“, и т. п.

Перед церковной иерархией предстала грозная дилемма: или капитулировать, принять закон о „культовых союзах“, избежать новых конфискаций, но и допустить опасный компромисс с всемогущим тогда антихристианским тайным обществом; или же отвергнуть предлагаемый правительством легальный исход из затруднения, осудить коварный закон, и ожидать ещё более радикальных гонений, потери храмов и лишения духовенства жилищ и хлеба.

Французские епископы единодушно высказались против безоговорочного принятия „культовых союзов“, но был поднят вопрос о возможности добиться от правительства некоторых уступок путем миролюбивых переговоров после принятия закона. Ватикан снова опросил епископов. На этот раз французский епископат 47 голосами против 27 высказался за допустимость „культовых союзов“, при внесении необходимых поправок. В окружении Пия X было тоже не мало советников, по мнению которых нельзя было радикальным отклонением закона лишить Церковь во Франции всего её имущества и духовенство всех средств существования. Повсюду слышалось: «Надо искать улучшения положения в рамках закона». Между тем Пий X неустанно молился, страдал, подвергал себя всяческим умерщвлениям и искал света у под-

ножия распятия, в Евангелии, в единении с Главою Церкви, Христом. Он остался непреклонным, понимая, что даже смягчённый закон о „культовых союзах“ будет использован врагами Бога против Церкви.

10 августа 1906 года появилась папская энциклика Gravissimi officii, „Важнейший долг служения“. Решение папы было ясное и простое: никаких компромиссов с безбожием, не создавать никаких „культовых союзов“; лучше стать нищими и служить Литургию в подвалах, чем связывать себя с законодательством, которое явно стремится лишить Церковь её сущности и внутренней свободы. Это окружное послание было проявлением не только сверхчеловеческого мужества и великой веры, но и доверия к французскому духовенству, которое папа призывал к героической жертвенности; и в этом отношении ожидания папы вполне оправдались, епископы и священники оказались на высоте положения и с великодушным религиозным порывом подчинились решению Св. Отца.

Французские министры были вне себя от этой моральной победы Церкви. Конфискации и всякие административные меры против духовенства разразились с новой силой. Архиепископ Парижский, престарелый кардинал Ришар, должен был поспешно оставить архиепископский дворец и поселиться в убогой част-

ной квартире; все другие архиереи тоже оказались „выброшенными на улицу”. Семинаристы изгонялись из семинарий вместе с преподавателями богословия. Был окончательно разграблен архив ещё раньше занятой правительством нунциатуры. При конфискации церквей происходили не только избиения верующих, подчас кровопролитные, но и грубейшие кощунства, святотатства; делая опись и оценку конфискованного церковного имущества, чиновники писали, например: „Золотая чаша — 10.000 франков; хранимая в ней евхаристия — 50 сантимов”. Католики миряне, осмеливавшиеся протестовать, сажались в тюрьмы. Разгрому были подвергнуты почти все католические монастыри и благотворительные учреждения. В атеистической печати ответственность за все эти события с шумом сваливалась на Ватикан.

Но Пий X в новом окружном послании разоблачил и эту наглую ложь. Французские епископы со своей стороны, в соборном послании к верующим, заявили о своей полной солидарности со Св. Престолом и выразили благодарность папе за то, что он своей твёрдостью и упованием на Провидение спас честь и свободу Церкви во Франции.

Опозорившиеся в глазах всех честных людей министры в конце концов должны были потихоньку пойти на уступки и вернуть духовенству большинство храмов и даже „терпеть” многие католические учреждения и школы,

новь созданные неисчерпаемой жертвенностью верующих.

В ЗАЩИТУ ВЕРЫ

В XIX веке повсюду сильно распространились лжеучения, которые наконец породили новую ересь — *модернизм*.

Уже будучи Мантуанским епископом, Преосв. Иосиф Сарто энергично боролся с тогда ещё довольно неопределёнными и расплывчатыми проявлениями этого заблуждения. Став папой, он в нескольких посланиях и речах отечески увещал духовенство и богословов остерегаться указанной духовной заразы. Но когда стало ясным, что ересь начинает проникать даже в некоторые богословские факультеты и в семинарии, благодаря талантливым сочинениям влиятельных теоретиков „модернизации христианства” (Луази, Тиррелль, Шелль, Мурри и др.), Пий X сначала осудил 65 положений, заимствованных из этих сочинений, а затем 8 сентября 1907 года обнародовал свое знаменитое окружное послание *Pascendi*, „**Пасти Господне стадо**“. Стоит немного остановиться на этом документе, который тоже является плодом долгих совещаний с епископами разных стран, жертвенных страданий и неустанных молитв

архипастыря-подвижника и многочисленных благочестивых мирян.

Послание перечисляет и точно устанавливает основные заблуждения модернистов. Вот главные:

1) Вера есть чувство, которое без всякого участия разума порождается естественною потребностью божественного*.

2) Догматы — только символы и выражения религиозного чувства и потому не имеют безусловного и вечного значения.

3) „Исторический Христос” — обыкновенный высоко нравственный человек и только, Он не имел Божеской природы. А „Христос созданный верою” никогда не существовал.

4) Св. Писание — творение чисто человеческого, не боговдохновенное.

5) Откровение познаётся вовсе не из хранимого Церковью Предания, а из личного религиозного опыта**.

6) Таинства не являются богоустановленными средствами для сообщения людям благодати; это — простые символические обряды, питающие религиозное настроение.

* По учению Отцов Церкви, Христианская вера — вовсе не чувство, а вызываемое сверхприродной благодатью Христовой смиренное восприятие духом, то есть умом и волей истин Откровения, преподаваемых Церковью, и по большей части непостижимых для разума.

** Известно, что такой „личный опыт” причинил разложение протестантизма на несколько сот друг другу враждебных сект.

7) Церковь не есть Христом установленное и освящаемое иерархическое общество верующих, не Тело Христово, а продукт или порождение общего сознания. Не пастыри должны пасти верующих, а наоборот: масса верующих является той инстанцией, которой епископат обязан послушанием. Католическое учение об активном участии верующих во всех проявлениях жизни Церкви под руководством иерархии должно быть переработано в духе современных демократических начал.

8) Вероопределения должны изменяться согласно эволюции научного знания.

9) Евангельские чудеса существовали только в разгорячённом воображении учеников Назарянина.

10) Истина не является неизменной так же, как и сам человек, ибо истина развивается с человеком, в нём и через него.

В энциклике ясно показывается, как система модернистов убивает всё сверхприродное, благодатное, подлинно христианское. Папа смело указал в ней на главный моральный источник новой ереси: дух гордости, неуважения к авторитету Св. Писания и Предания, дух непослушания учащей Церкви. Энциклика обращает также внимание духовенства и верующих на несомненный факт, что модернизм неизбежно ведёт к полному атеизму.

Модернисты заволновались. Почти все свя-

щенники, слегка заражённые лжеучением, об-
разумились, покаялись и вернулись в полное
послушание Церкви. Но главари продолжали
упорно настаивать на своём и тем самым пре-
вратились в жалкую кучку отлучённых от
Церкви еретиков. В кругах издавна враждеб-
ных католичеству посыпались укоры в „нетер-
пимости“, в „фанатизме“, в том, что у Пия X
„уровень сельского попа“. Но ересь, как мас-
совое движение, вскоре затихла, страшная
опасность для всего христианского мира мино-
вала. Энциклика *Rascendi* решила судьбу мо-
дернизма: в Церкви ему места нет и не будет.

В отношении модернизма Пий X всегда про-
являл определённо отрицательные убеждения,
он был „нетолерантен“, неумолим, недоступен
для компромиссов и неуместно иронических
толкований. Иные усматривали в этом какую-
то жестокость, отсутствие евангельской люб-
ви. Но папа следовал принципу св. Августина:
«Ненавидьте заблуждение, любите заблуждаю-
щихся». Для самих модернистов, как людей не-
счастливых, гибнущих, которых нужно спасти,
Пий X имел „непревзойдённую любовь“, мило-
сердие, готовность всё простить при первом
проявлении искреннего покаяния; это засвиде-
тельствовано всеми близко знавшими его людь-
ми. Прежде чем осудить какого-либо лжеучите-
ля, папа старался отеческой лаской направить
его на правильный путь.

Священник Р. Мурри, один из главарей модер-

низма в Италии, не раз грубо оскорблял в печати кардинала Сарто, будущего Пия X; но папа отвечал ему лишь проявлениями доброты, оказывая ему, например, анонимную материальную помощь, и притом даже после того, как Мурри открыто порвал с христианством. Мурри умер в глубокой старости в 1944 году, сердечно раскаявшись и примирившись с Церковью: воспоминание о беспредельной кротости великого архипастыря преодолело в нём наконец его врождённую гордость.

Епископам Пий X давал совет „желать добра” всем модернистам и „делать им доброе”. Епископу Шалонскому, к епархии которого принадлежал главный вождь всего модернизма, Луази, Пий X дал следующую директиву: „Относитесь к нему (Луази) с величайшей любовью, и если он подойдет к вам на один шаг, сделайте два шага ему навстречу”. По непоколебимому убеждению святого папы, только чистая христианская любовь может вполне рассеять мрак заблуждений.

ПИЙ X И СВ. ЕВХАРИСТИЯ

Не может быть подлинной христианской жизни, жизни во Христе, без Его благодати, в особенности без той благодати, которою Он сам питает нас в Таинстве Св. Евхаристии. Первые христиане были насквозь пропитаны евхаристическим духом, они часто причащались и усердно молились перед Св. Дарам, часто хранившимися в частных квартирах на почётном месте. Но с течением веков дух постоянного общения со Христом Спасителем в Св. Евхаристии стал мало-по-малу покидать верующих. Тридентский собор сделал много для укрепления евхаристической жизни, но и после этого собора даже самые благочестивые верующие ограничивались причащением раз в месяц, самое частое — каждое воскресенье. В большинстве же случаев люди причащались только раз в год, перед Пасхой. Многие ощущали ненормальность такого обычая, и папа Пий X получил много ходатайств о необходимости евхаристического подъёма в Церкви. Он и отозвался на это благочестивое движение среди верующих декретом от 20 декабря 1905 года, призывающим всех к лучшему соблюдению постановлений Тридентского собора относительно евхаристической жизни. Этот декрет призывал всех католиков к частому причащению: *«Господь наш Иисус Христос и Церковь живо*

желает частого и даже ежедневного причащения. Никакое общественное положение не может служить основанием для лишения этого таинства тех, кто приступает к нему в состоянии благодати и с чистым намерением; а такое намерение есть не что иное, как горячее желание угодить Богу, тесно соединиться с Ним в любви, пользуясь этим лекарством против слабостей и недостатков человеческой природы... Конечно, весьма похвально, чтобы причащающийся часто или даже ежедневно очищал совесть даже от незначительных повседневных грехов, по крайней мере от преднамеренных, и чтобы у него не было никакой привязанности к этим грехам; однако, достаточно и того, чтобы на причащающемся не было никакого смертоносного греха и чтобы он при этом не имел никакого расположения совершить такой грех в будущем».*

*. Католические богословы подчёркивают существенную разницу между смертоносным и повседневным грехом. Смертоносный грех есть сознательное и вполне добровольное нарушение требования морали в предмете важном, когда воля Божия не подлежит никакому сомнению, например в случае блуда или обдуманной крупной кражи. Повседневный грех, или грех людской слабости, имеется палицо, когда дело идёт о каких-либо мелочах, например украсть у богатого соседа несколько спичек, или когда нет полного сознания того, что делаешь, или нет внутренней свободы. Смертоносный грех лишает душу освящающей благодати и сыновнего отношения к Богу; умирающий в состоянии такого греха, не покаившись в нём, теряет Царство Небесное. Повседневный грех только омрачает душу; но и его следует тщательно избегать, так как он тоже, хотя и в меньшей степени, оскорбляет Господа и склоняет её к смертоносному греху.

С вопросом о частом причащении тесно связан и другой: это вопрос о возрасте, в котором христианин должен впервые приступить к причащению. В древней Церкви дети допускались к причащению наряду со взрослыми, независимо от возраста. Потом на Западе это изменилось. Точного определения о том, когда можно было допускать к причащению, не имелось, смысл же обычая сводился к тому, что причащающийся должен находиться в сознательном возрасте, ясно понимая, что хлеб, принимаемый в причащении, есть на самом деле Сам Господь Иисус Христос. Практически, пришли к тому, что „первое Причащение“ совершалось обычно в 11—13 лет.

И вот по почину папы Пия X, 8 августа 1910 года было опубликовано постановление Св. Престола, по которому причащать можно было, начиная с возраста около 7 лет, при условии только, что ребёнок сознаёт разницу между Хлебом евхаристическим и хлебом обыкновенным.

Однажды одна женщина была на частной аудиенции у папы Пия X. Тут же с ней был ребёнок, её сын.

— Сколько ему лет? — спросил Св. Отец.

— Четыре года, — ответила мать, — я надеюсь, что через два года он приступит к своему первому Причастию.

Папа вдруг остановил на ребёнке свой пронзительный взор.

— Кого принимают во святом Причащении? — спросил он мальчика.

— Иисуса Христа, — ответил ребёнок.

— А кто такой Иисус Христос?

— Иисус Христос — Бог, — сказал мальчик.

— Приведите его ко мне завтра утром, — обратился Св. Отец к матери: — я сам причащу его.

Таких и подобных случаев было много. Так указывал Пий X, как надо понимать церковные распоряжения о предельном возрасте для причащения детей.

РАЗНЫЕ ПОЧИНЫ И МЕРОПРИЯТИЯ

1) Идеал священства всегда вызывал восхищение святого папы. По случаю пятидесятилетия своего священства, он обратился к духовенству всего мира, чтобы напомнить об обязанностях священника и необходимости для него быть в постоянном молитвенном соприкосновении с Господом. Некоторые иереи думают, писал папа, что их дело состоит исключительно в том, чтобы заботиться о ближнем, совсем не трудясь над собственным усовершенствованием. Но на самом деле это не так. Священник должен прежде всего быть человеком веры. Между священником и всяким иным обыкновенным порядочным человеком должна быть та же разница, как между небом и землёю.

„Священник не может быть хорошим или плохим только для себя самого... Где есть хороший священник, какое там сокровище и какой цены!” Священник это, по словам Христовым, свет миру и соль земли. Свою проповедь священник обязан подкреплять собственным примером. Он должен налаживать всю свою жизнь так, чтобы свое святое служение он совершал силою благодати, под вдохновением и водительством веры. За три года до этого обращения к духовенству, 8 января 1905 года, Пий X причислил к лику „блаженных” знаменитого „кюре д'Арс”, о. Иоанна Вианнэ († 1859), настоятеля прихода в Арс, и вскоре после этого провозгласил его покровителем всех приходских священников во Франции.

Папа Пий X постоянно настаивал на том, чтобы все священники ежегодно делали «духовные упражнения» (говение в полном молчании) и ежедневно совершали молитвенное размышление.

Кардинал Мерри дель Валь рассказывает, что однажды папа должен был принять священника, совершившего тяжкие проступки и, главное, не обнаруживавшего никакого раскаяния, ни сознания своей вины. Потому-то и понадобилось личное вмешательство Св. Отца. Папа провёл всю ночь в усердной молитве. Требовалась строгость, которая мало соответствовала его характеру. Свидание продолжалось несколько часов. Но Св. Отец вышел си-

яющий: „Представьте себе, — сказал он кардиналу, — всё удивительно хорошо прошло. Бедняга признал, что мои доводы правильны, он смирился и подчинился всему, что я от него требовал. А теперь мы должны сделать всё от нас зависящее, чтобы ему помочь”.

2) Папа Пий X много потрудился над поднятием духовного и научного уровня духовных училищ и **семинарий**. Он предпочитал, чтобы в странах многочисленных епархий, вместо многих мелких епархиальных семинарий, существовало несколько больших областных семинарий с отлично поставленным богословским обучением и интенсивным благодатно-духовным соревнованием. Епископам он неоднократно напоминал об их обязанности неуклонно удалять из семинарских общежитий молодых людей не имеющих бесспорно сверхприродного благодатного призвания к священству. Он хотел, чтобы юные клирики были прежде всего „подвижниками молитвы”, богомыслия, ежедневного молитвенного размышления.

3) Мы уже знаем, с каким вниманием владыка Сарто относился к церковному благолепию, в частности к **церковному пению**. 22 ноября 1903 года он издал указания относительно пения в храмах. „Ничто в храме не должно смущать или хотя бы просто уменьшать благочестия молящихся, ничто не должно вызывать отвращения или соблазна, не должно быть ничего такого, что оскорбляло бы святость священ-

ных чинопоследований". Церковная музыка должна быть подчинена богослужению; она должна быть святой, оставаясь при этом истинным искусством.

В отношении церковного пения в некоторых странах были злоупотребления; подчас слышны были в святилищах даже скрипки; доходило до того, что для исполнения чисто церковных песнопений приглашали певцов из местной оперы. Этой обмирщённости Пий X не переносил; он изгонял её из храмов, как Иисус Христос продавцов из дома Отца Своего. В этой области церковного благочиния предписания Пия X отличались категоричностью, каким-то грозным тоном. Кое-где эти распоряжения первосвященника натолкнулись на сопротивление, на недовольство, на выражение опасения, что слишком „аскетическое" пение удалит из церкви многих прихожан; папу просили отложить реформу пения на другое время, по крайней мере отчасти. Но Пий X не уступал, требовал немедленного устранения злоупотреблений. „Пресечение этих злоупотреблений, писал он кардиналу-викарию, должно быть сделано сейчас же, решительно".

Святой папа рекомендовал строгий григорианский напев. Чтобы получить нужных для этого учителей, он основал в Риме Высшую Школу Религиозной Музыки.

4) Отметим также кодификацию канонического права. Предписания соборов и пап

были до тех пор разбросаны в различных трудах и сборниках, так что трудно было не специалисту разбираться в них. Это приводило к немалым осложнениям в управлении епархиями и приходами, в распределении обязанностей, в сношениях между разными учреждениями или монашескими орденами и т. д. Декретом от 19 марта 1904 года Пий X велел особой, им самим выбранной, комиссии свести все действующие церковные законы в один „кодекс“ или „свод“, устранив неясности, кажущиеся или реальные противоречия, лишние повторения. В этой огромной работе он принимал личное участие, что не раз доводило его до переутомления. Кодификация канонического права была закончена только после смерти Пия X, «Свод Канонического Права» был обнародован папой Венедиктом XV.

5) 27 марта 1906 г. папа издал «Устав преподавания Св. Писания». Он хотел, чтобы при толковании священных текстов лучше принимались во внимание достижения лингвистики, истории и археологии. Несколько позже, он поручил Ордену св. Венедикта трудиться над научным восстановлением первоначального текста латинской Вульгаты, этого древнего перевода на латинский язык книг Св. Писания. 7 мая 1909 г. Пий X основал в Риме Библейский Институт для развития библейских наук и борьбы с лже-толкованиями Св. Писания.

6) Трудно перечислить все распоряжения,

послания и письма Пия X, имевшие целью усовершенствование преподавания катехизиса в церквах и разных учебных заведениях. От ясного преподавания Закона Божия Пий X ожидал больше, чем от прекрасно составленных проповедей.

7) Св. Пий X поощрял „социальную” деятельность духовенства и мирян в разных странах католического мира. Он горячо одобрял заботу о трудящихся, основанную на началах Евангелия и учения Отцов Церкви, но отрицательно относился к принципам безрелигиозного гуманизма и антицерковного демократизма. Милосердие священника, епископа, патриарха и папы Сарто было неистощимо, он всё что мог отдавал нищим. Но было бы непростительной ошибкой думать, что он верил в возможность разрешить „социальный вопрос” одною благотворительностью, милостынями или оскорбительными для бедняков подачками. Наоборот, в целом ряде посланий и постановлений, он настаивал на необходимости идти путём указанным папой Львом XIII: от законодательств, общественных учреждений и промышленных предприятий, Пий X требовал прежде всего честности, справедливости в отношении к рабочим, заработной платы, достаточной для обеспечения всестороннего благополучия всей семьи рабочего и способной дать сбережения на старость. Он требовал уважения к достоинству человека, будь этот человек монарх,

учёный или бедный крестьянский мальчик. Из социальной программы он исключал всё уни-
зительное для человека, созданного на подо-
бие Бога, каково, например, лишение элемен-
тарных свобод или материалистическое низве-
дение рабочего на уровень усовершенствован-
ного животного и только.

Пий X полагал, что в наши времена, более
чем когда-либо, Церкви нужны апостолы из
мирян, высоконравственные, самоотвержен-
ные, богословски просвещённые.

8) Отметим, наконец, отеческое отношение
папы Пия X к **русским католикам**, пресле-
дуемым за их верность великому идеалу: осу-
ществлению полноты здравого, чисто церков-
ного, Православия в единении с вселенской
Католической Церковью. Св. Отец желал, что-
бы русские католики не только сохранили
свой обряд по формуле „ни больше, ни мень-
ше, ни иначе“, но и вообще любили всё, что
находится святого в историческом Правосла-
вии. Он отрицательно относился только ко вся-
кому искажению христианства национальным
эгоизмом.

БОГОУГОДНАЯ ЖИЗНЬ ПАПЫ ПИЯ X

Как мы выше видели, ещё будучи простым приходским священником, Пий X отличался беспредельной добротой, простотой в обращении со всеми, кротостью и духом глубокой живой веры. Став папой, он нисколько не изменился и всё более укреплялся в этих добродетелях.

Официальные торжества, этикет, протоколы, церемониал приёмов — всё это было для него мучением, от которого он не вполне отказывался только по любви к умерщвлениям и из внимая к верующим, желавшим его видеть во всём величии первосвященства. „Какая пытка все эти придворные обычаи, — говаривал он, — когда меня водят с одного места на другое среди солдат (папская гвардия), я всегда представляю себе Господа нашего Иисуса Христа, взятого под стражу солдатами в Гефсиманском саду”. Мучением было ему тоже когда, во время больших официальных церемоний, ему целовали ногу. Он сделал всё от него зависящее, чтобы отучить римлян от старой дурной привычки рукоплескать при появлении папы в соборе св. Петра. Когда, по чину папской коронации, один из ватиканских сановников подошёл к только что коронованному Пию X и, сжигая перед ним пучок пакли, произнёс по-латыни традиционную обрядовую формулу: „Святой Отец, так

проходит земная слава", кто-то из епископов шепнул на ухо своему соседу: „Если есть на свете кто-либо, кто не нуждается в этом призыве к смирению, так это Пий X”.

Пий X по прежнему вставал в пять часов утра и тотчас же шёл служить Литургию, после чего он присутствовал у обедни, которую служил его секретарь, протопресвитер Брессан, и нередко сам прислуживал ему.

• Пий X охотно попросту разговаривал с садовниками Ватиканского парка. Однажды, видя это, одно высокопоставленное светское лицо сделало ему довольно неуместное замечание, что папе не подобает спускаться до уровня „низших”; но папа спокойно ответил ему: „А откуда вы знаете, кто ниже в глазах Божиих — эти чёрнорабочие или мы с вами?”

Он принимал с равной приветливостью, добротой и искренним смирением всех просителей: монархов, министров, послов, старушек из простонародия, католиков и инославных или иноверных, богатых и нищих, учёных и неграмотных. Пишущий эти строки лично знал одного англиканского пастора, который часто заходил к Пию X, дружески с ним беседовавшему и советовавшемуся с ним по вопросам церковного пения.

По темпераменту своему живой, вспыльчивый и раздражительный, постоянными победами над самим собою, священник и затем папа Сарто достиг такой степени самообладания, что

его стали прозывать: «Кротчайший папа». Никто никогда не видел Пия X встревоженным или сердитым. В его тоне проявлялось возмущение только тогда, когда он говорил о постоянной наглой клевете возводимой на Церковь масонами, например городским головой Рима, воинствующим атеистом Натаном; но это был святой гнев. На личные гнуснейшие оскорбления Пий X не реагировал; за клеветников, поносивших его устно или в печати, он, по старой привычке, только усердно молился. Делая необходимые замечания подчинённым, он всегда говорил с полным спокойствием и беспредельною отеческою любовью.

Пий X внутренне очень страдал, когда его мероприятия и пожелания подвергались ложтолкованиям, необоснованной критике или даже насмешкам со стороны иных представителей духовенства. Ведь далеко не все понимали руководившие им побуждения, внушаемые ему свыше и часто расходившиеся с земной дипломатией и расчётами человеческой близорукой мудрости. Но это не вызывало в нём ни малейшего озлобления, недоверия или лишней озабоченности. По свидетельству близко знавших его людей, „смирение стало для него второй природой”.

Папа-подвижник давал приказания редко, только в случаях крайней необходимости. Почти всегда он просто просил, умолял, увещал, дружески призывал. Пий X относился с боль-

шим уважением к авторитету епископов и настоятелей приходов или монастырей. Когда его брат, Анжело, просил его вызвать в Рим одного францисканца, папа ответил ему, что не хочет злоупотреблять своею властью и посоветовал брату обратиться к настоятелю этого монаха. О себе он говорил только, чтобы напомнить другим о своём скромном происхождении или о содеянных им ошибках. Он несколько не обижался, когда его называли „деревенским батюшкой“. Присутствие льстецов и неумеренные проявления благодарности вызывали в нём отвращение.

Когда ему однажды посоветовали издать свои богословские записки, он решительно отверг это предложение: „Зачем это, — сказал он, — когда есть столько богословских трудов, гораздо лучше составленных?“ Впоследствии он, впрочем, затерял эти записки, а может быть из смирения просто уничтожил их. Он полагал тоже, что и речи его не годятся для печатания.

Случилось, что кто-то в присутствии Пия X назвал его святым. „Вы ошиблись одной буквой, — заметил он, — моя фамилия не Санто, а Сарто“.*

Пий X охотно просил совета у своих сотрудников, и если делаемые ему возражения были обоснованы, он без затруднения отказывался от своего мнения. Свои проповеди он давал для

* По-итальянски „санто“ значит „святой“, а „сарто“ — „портной“.

исправления подчас простым священникам.

Он никогда не позволял епископам преклонять перед ним колени, когда они хотели это делать, согласно старому средневековому этикету. Когда они его посещали, он всегда просил у них прощения за возможные ошибки, содеянные им в управлении вселенскою Церковью.

Чтобы не утруждать чрезмерно своих секретарей, Пий X лично работал по ночам до полного изнурения. Не раз поутру оказывалось, что за ночь он написал несколько десятков писем.

Однажды, в летнюю жару, разговаривавший с Пием X священник заметил, что папа плохо себя чувствует от томительной жажды, и хотел было позвать слугу. Папа его задержал: „Не надо беспокоить слуг; жажда — пустяки“. Папе часто нездоровилось и он много страдал, но он старался никого не обременять из-за этого; а когда действительно нельзя было обойтись без прислуги, он не давал приказаний, а смиренно и ласково просил: „Дайте мне милостыню, принесите пожалуйста...“ Титул, который папа, св. Григорий Великий дал папам: «слуга слуг Божиих», воистину не был для Пия X пустою формулою. Как все великие папы, он сознавал, что призвание Римского первосвятителя — неустанное служение.

Святой папа как-то узнал, что его почитатели хотят поместить в его честь памятные

мраморные доски в Риезе, в церкви, где он был крещён, в Мантуе и в Венеции. Он решительно воспротивился этой затее: „К чему эти каменные плиты? Зачем забрасывать меня камнями?“

До самого конца Пий X был подлинно „святым отцом“. В Ватикане его просто называли „добрый отец“. Когда он должен был наказать кого-либо, он переживал жестокие мучения.

Но, как мы уже видели, защищая веру, Пий X „показывал, что он имеет железные руки“, как выразился один свидетель. Когда в его мероприятиях, касающихся веры, злонамеренные люди усматривали „политику“, он указывал на распятие и убеждённо говорил: „Вот моя политика!“ Приняв раз какое-либо решение для обеспечения неприкосновенности веры, он требовал исполнения своих постановлений. Его безмерная доброта никогда не переходила в послабление. Это видно тоже из того, что он без разговоров увольнял из Ватикана чиновников искавших только наживы.

Пристрастие к деньгам, особенно в священнике, ему было противно. Лично в нестяжании он превзошёл многих благочестивых монахов. Люди близко знавшие его утверждали, что он любит бедность не меньше, чем св. Франциск Ассизский. Он щедро давал миллионы на благотворительные (в христианском духе) учреждения, на облегчение людских страданий. Для себя же он довольствовался самым необходи-

мым для поддержания работоспособности. Он нередко говаривал: „Я родился бедным, жил бедным и хочу умереть бедным”. Не раз весь его папский обед состоял из одного кусочка сыру или из нескольких орехов. Если за обедом — вопреки старому этикету, он обыкновенно обедал со своими сотрудниками или со своими сёстрами — подавали какой-либо дорогой напиток, он всегда от него отказывался, приговаривая: „Это не для меня, это для господ”. Мебель в его комнате была из самых дешёвых. Его бельё было того же качества, как и то, которое он носил будучи ещё бедным деревенским мальчиком. Часы, кошелёк, очки, всё у него было простое, дешёвое. Он до конца жизни не хотел переменить свой старый простой наперсный крест на более драгоценный. Он смотрел за тем, чтобы даже подаваемые ему лекарства были из „домашних”, дешёвых, „как подобает нищим”.

Пий X прекрасно сознавал, что папа не владеет церковных имуществ, а только их управляющий, администратор. Крупные суммы, которые он получал нередко, должны были всегда быть употребляемы строго по воле жертвователя. Однажды папе предложили денежным подарком из ватиканских сумм заставить молчать некоторые газеты, поносившие его самого и вообще духовенство; он ответил, что не в его власти делать такое употребление церковных денег.

Ставши папой, Пий X не забыл своих двух сестёр. Он послал им своё особое благословение в день избрания. Когда они приехали в Рим и увидели папу, своего брата, они сразу бросились к его ногам. Он обнял их и сказал: „Я всегда ваш Беппи“. Вместе с тем, он настойчиво хотел, чтобы его сёстры не получали никаких особых отличий или титулов и оставались жить в тех же условиях, как прежде, одетые по прежнему, как крестьянки. Они поселились в очень скромной квартирке на третьем этаже какого-то старого дома по близости Ватикана. Когда один богатый американец подарил им автомобиль, папа убедил их не пользоваться такою роскошью. В своём духовном завещании Пий X просил своего будущего преемника обеспечить им месячную пенсию в 300 лир — сумму необходимую, чтобы дряхлым старушкам не дать умереть с голоду.

Единственный брат папы, Анжело, служил почтовым чиновником в Грацие, недалеко от Мантуи. Некоторые итальянские сановники хотели было выхлопотать для него повышение по службе или выгодную должность в Риме. Пий X воспротивился этим планам: он не переносил всего того, что хотя бы только издалика могло бы напоминать средневековый nepотизм, преимущества для родственников правящего папы. Своего племянника, священника Паролина, он не хотел сделать хотя бы только протоиереем и оставил его простым настоятелем

деревенского прихода в распоряжении местного епископа. В том же духе поступал он и с другими своими родственниками, он желал, чтобы они честной работой добывали себе хлеб насущный; и они не обижались, они понимали, что урок преподаваемый им Св. Отцом ценнее всех материальных выгод и тщеславных преимуществ.

Но в пользу крайне нуждающихся Пий X без оглядки жертвовал огромными суммами. После землетрясения 1908 года, которое почти целиком разрушило Мессину, двери Ватикана раскрылись настежь для бездомных и раненых; около 600 сирот было помещено в хороших приютах на счёт папы.

На свои дела милосердия Пий X не искал средств: он твёрдо знал, что Провидение пошлёт ему всё необходимое. И чем больше он давал нуждающимся, тем больше сам получал от благотворителей.

В 1911 году в Португалии антиклерикальное масонское правительство ограбило Церковь и буквально выбросило на улицу епископов, священников, монахов и семинаристов. Епископ города Опорто просил помощи у папы Пия X для священников и семинаристов своей епархии. „Сколько вам надо?“ — спросил папа. „Миллион лир“, — был ответ. „Прийдите завтра... Поищу... Господь поможет“. И на следующий день какой-то незнакомец, ничего обо всём этом не знавший, вручил Св. Отцу чек на один миллион

лир, как раз после того как Пий X, собрав все наличные деньги ватиканских касс (в них нашёлся ровно миллион), отдал их португальскому архиерею.

При всей своей кипучей деятельности Пий X непрестанно молился, „дышал единением с Богом“, „был погружён во Иисусе Христе“, „казался восхищённым на небо“, как выражались знавшие его. Присутствовавшие на аудиенциях у папы Пия X имели впечатление, что папа, разговаривая с посетителем, одновременно в тайниках своей души молитвенно беседует с Господом нашим Иисусом Христом. Все верующие чувствовали, что он не говорит от себя, а просто передаёт пожелания и слова Христа, Главы Церкви. Впечатление „духовности“, которое Пий X производил на присутствующих, было огромное, незабываемое. Посетители, совсем не „клерикально“ настроенные, подчас просто неверующие, часто при одном приближении Пия X падали на колени и в каком-то неземном восторге целовали руки первосвященителя. Все, кто знал лично папу Пия X, отмечают его духовную радость во Христе. При всех своих моральных страданиях, неизбежных в папском служении, и при жестоких физических болях, он жил в благодатном ликовании, в небесной отраде. Тут невольно думаешь о препод. Серафиме Саровском.

Общий облик святой личности Пия X не был бы полным, если бы мы не упомянули о том,

что его благочестие было проникнуто усердным почитанием Пресвятой Богородицы. Когда в 1904 году истекло 50 лет со дня провозглашения догмата о Непорочном Зачатии, он обнародовал энциклику *Ad diem illam*, „К тому дню“, в которой он устанавливает основные начала подлинного почитания Богородицы и указывает на глубокие таинственные взаимоотношения между Богоматерью и вселенскою Церковью Христовою. „К Иисусу Христу нет пути более легкого и более верного, чем через Пресвятую Богородицу“. Там же он высказал мысль, что в Богородице вся его надежда для исполнения столь трудного первосвятительского служения.

По желанию Пия X в садах Ватикана была воздвигнута Лурдская пещера по точному образцу настоящей пещеры в Лурде, где 11 февраля 1858 года около половины второго часа дня 14-тилетней Бернадетте, неграмотной пастушке ничего не знавшей о провозглашении догмата Непорочного Зачатия, явилась Пречистая и сказала ей: „Я — Непорочное Зачатие“. Пий X часто молился перед этой пещерой и искал там благодатного света.

По обычаю благочестивых католиков, Пий X трижды в день по звону церковного колокола прерывал свои занятия или беседы и, став на колени, читал молитву к Пресв. Богородице «*Angelus Domini*» (*Ангел Господень*).

ИСЦЕЛИТЕЛЬ И ПРОВИДЕЦ

Верующий народ разных стран считал Пия X святым задолго до восшествия его на папский престол. Многие по опыту знали, что его молитва и благословение испрашивают у Бога великие милости для души и для тела.

В самый день своего избрания, Пий X одним благословением исцелил лежащего в агонии испанского кардинала Герреро.

О паралитиках исцелённых папой-подвижником мы не будем здесь говорить: не исключено, что в иных случаях устранение недуга является последствием самовнушения или сильного нервного потрясения. По той же причине, не станем перечислять всех случаев, когда папа исцелил слепых или глухих от рождения. Упомянем только о некоторых фактах, в которых, по научному установлению лучших врачей-специалистов, всякое объяснение исцеления естественными воздействиями на больного противоречит безусловным требованиям научной критики.

Одна девочка имела всю голову покрытую ужасными язвами, которые не поддавались никакому лечению; лучшие специалисты не могли ей помочь. Пий X положил больной руку на голову, и все раны моментально исчезли.

В целом ряде случаев наш святой мгновенно вылечил от чахотки больных находившихся

в последней стадии развития болезни и оставленных врачами.

Одна монахиня ужасно страдала от неизлечимой злокачественной опухоли на руке (рак). Её повезли к Св. Отцу, который сделал крестное знамение над больной рукой. Врачи сняли перевязки и установили, что от неизлечимого недуга не осталось ни следа.

Когда спрашивали папу, откуда у него сила чудотворения, он обыкновенно отвечал: „Я тут не при чём, действует Иисус Христос властью ключей”.

Пий X часто прикрывал совершаемые им чудеса прибаутками или невинными шутками.

Пий X исцелял людей и „на расстояние”. К нему по этому поводу обращались со столькими просьбами, что папские секретари жаловались на переутомление, причиняемое им этой перепиской.

Какой-то господин на приёме у Св. Отца рассказал ему про одного мальчика, проживавшего в северной Италии, которого врачи считали обречённым на верную очень скорую смерть: у него, вследствие несчастного случая, лопнул мочевого пузырь и почки были в ранах. Родители плакали в отчаянии. „Бедная мать”, — сказал прослезившись папа, и велел передать всей семье свое отеческое благословение. Мальчик, к полному изумлению врачей, вскоре совсем выздоровел. Узнав об этом, папа только промолвил: „Его чудесно исцелила вера матери”.

Молитва папы вылечила „на расстояние” и другого мальчика; этот последний находился при смерти от крайне осложнившейся болезни горла. Подобным образом Пий X исцелил 80-тилетнюю старушку жившую в Триенте, предсказав ей ещё долгие годы жизни; предсказание сбылось.

В 1914 году в далёкой Бразилии мать одного священника давно болела сильно развитой проказой; дни её были сочтены. На приёме в Ватикане этот священник попросил папу только произнести слова Христовы: „Хочу, очистишься!” (Матф. 8, 3). Папа исполнил его желание, и неизлечимо больная, почти уже умирающая женщина внезапно совершенно выздоровела от ужасной болезни, не дающей пощады своим жертвам.

В 1911 году папа из Рима мгновенно вылечил больного умиравшего в Турине от гангрены в ноге. В следующем году он исцелил „на расстояние” одного бельгийского консула, тяжело больного. Таких случаев было много.

Пий X был также провидцем.

Желавшим получить от него разрешение своих сомнений, он часто давал ответ прежде, чем ему был поставлен вопрос. Он „читал в сердце” своего собеседника; именно по этой причине посетители очень боялись говорить ему неправду. Он успокаивал тайные тревоги, особенно тех, кто не смел говорить ему о своих внутренних томлениях.

Пий X не раз предсказывал будущие события, касающиеся отдельных лиц или целых народов. Особенно широкую известность получили его предсказания войны 1914 года, которую он наперёд, уже в 1911 году, назвал „великою ужасною войною”. Назначая монсиньора Люсона Реймским архиепископом, он предупредил его, что Реймс будет разрушен. „Вижу, — говаривал он, — огромную войну”. Он считал, что балканская война 1912-1913 годов детская забава в сравнении с будущей войной. И когда хотели его утешить, говоря, что войны ещё долго не будет, он повторял: „Война начнётся в 1914 году”. Одному монашескому настоятелю он советовал не приобретать какое-то большое здание около Гориции, „ибо оно будет дотла разрушено”, что и случилось на деле. В мае 1913 года папа сказал уезжавшему на родину Бразильскому послу: „Как вы счастливы, что не увидите войны, которая разразится в 1914 году!”

КОНЧИНА СТРАДАЛЬЦА

Весною 1914 года папа был крайне опечален международной политической обстановкой, грозившей близким наступлением войны. Он знал, что, ввиду отсутствия христианских принципов у большинства руководителей европейской политики, война неизбежна. Война действительно приближалась. После убийств в Сараеве австрийский посол при Ватикане два раза просил Пия X, чтобы он благословил оружие австро-германцев, на что папа решительно ответил: „Я благословляю мир, а не войну.“ 2 августа началось военное наступление. Папа находился в состоянии невыразимой тоски. Он написал краткое обращение к католикам всего мира, призывая их молиться к Владыке миролюбия.

Война поистине убила Пия X. Его великое сердце, объемлющее отеческою любовью Христа-Главы все народы, не выдержало тех страданий, которые ему причиняли вести с фронтов, где погибал цвет молодёжи. Его угнетала мысль, что спорные политические вопросы, которые так легко было разрешить, придерживаясь начал Евангелия, будут разрешены, вернее осложнены, кровавыми боями, общим обнищанием и погружением в ещё худшую нравственную тьму. Страсти разгорелись, правители государств не прислушивались к голо-

су Св. Отца, зовущего народы к примирению.

В эти дни глубочайшей боли папа-страдалец усердно молился и часто повторял, думая о жертвах войны: „Дети мои бедные, дети мои!“ Со слезами на глазах; он умолял Бога послать ему смерть, если этой жертвой могут быть облегчены страдания других. Он говорил своим близким сотрудникам: „Охотно страдаю за всех, кто погибает на полях сражения“. Всех он призывал к любви и всепрощению.

Прозорливый старец страдал, повидимому, больше всего при мысли, что мировая война породит другие войны и катастрофы, ещё более жестокие, и что вследствие этого безбожие разольётся по всему миру.

Однако, само здоровье папы не внушало, казалось, никаких опасений; казалось, что он проживёт ещё долгие и долгие годы. После 15 августа он почувствовал лёгкое недомогание, которое врач приписал действию жары. 18 августа тот же врач говорил, что достаточно одного дня отдыха, чтобы всё прошло. Но утром 19 папа уже не встал: врачи установили поражение обоих лёгких и боялись сердечного припадка. В 8 часов вечера наступила, как казалось, агония. Умиравшего соборовали и причастили. На колокольне собора св. Петра стали звонить „за умирающего первосвященника“. Усилиями врачей удалось продлить жизнь папы ещё на несколько часов.

Пий Х скончался в ночь с 19 на 20 августа 1914 г.

Умирая, он трогательно прощался с приближёнными и с умилением благодарил кардинала Мерри дель Валя за всю ту помощь, которую он ему неустанно оказывал в его трудном служении. Перед самой смертью Пий X медленно перекрестился и сложил руки как при богослужении. В этой смерти было что-то лучезарное.

В следующие дни печать всего мира и всех направлений писала о великих нравственных качествах почившего первосвященника. Все говорили о его доброте, о его твёрдости в вере, которая всегда вдохновляла все его действия. Отмечали его искренность и прямоту, его верность внушениям божественной благодати.

Толпы народа, теснившиеся вокруг останков почившего, не столько молились о скончавшемся, сколько призывали помощь праведника. „Святой умер“, — говорили вокруг. Все хотели коснуться гроба усопшего папы или освятить прикосновением к нему какой-нибудь предмет относящийся к богопочитанию: чётки, иконку, крестик... Толпа была так велика, что её должен был сдерживать наряд телохранителей. Два священника решили тогда помочь делу: они стали прилагать к телу усопшего те предметы — иконки, чётки и проч., — которые им протягивали верующие.

Погребение Пия X состоялось 23 августа при огромном стечении народа, но, согласно завещанию почившего, „как можно проще и скромнее“. Пий X был похоронен в „пещерах“ св. Петра.

ПРОСЛАВЛЕНИЕ ПРАВЕДНИКА

В 1923 году, под влиянием многочисленных отовсюду поступающих просьб о причислении Пия X к лику святых, началось каноническое дознание, „процесс“, в виду его беатификации*. Начался опрос многих свидетелей, дававших показания под присягой говорить сущую правду. А просьбы о канонизации Пия X продолжали прибывать; они получались от епископов, монашеских орденов, братств, мирян, от частных лиц и от организаций, и притом из разных стран света, даже из советской России! Канонизации Пия X желали и ожидали и учёные профессора и люди из простонародия, белые и чернокожие, старики и дети: слышался подлинный голос всего церковного народа.

* Беатификация есть как бы предварительная канонизация: праведник причисляется к лику „блаженных“ и его почитание разрешается, в богослужебном отношении, только в пределах какой-либо страны или какого-либо монашеского ордена; дознание о его святости ведётся очень строго, всесторонне и с принятием во внимание всех затруднений и возражений: допрашиваются многочисленные свидетели, изучаются сохранившиеся писания почившего, строго проверяется сверхприродный характер чудес, приписываемых его заступничеству. В особенности принимаются во внимание плоды святости, которые приносит в церковном народе почитание праведника. Если после беатификации эти плоды почитания продолжают расти и распространяться и если по заступничеству блаженного происходят новые бесспорные чудеса, его причисляют к лику святых, совершается окончательная канонизация и богослужебное почитание разрешается без вышеуказанных ограничений.

Документы и показания касающиеся беатификации Пия X занимают более 100 томов! Значительную часть их составляют прошения о причислении его к сонму святых.

Во время „процесса“ беатификации Пия X официальным возражателем были выдвинуты некоторые затруднения: казалось, что осуждение модернизма в энциклике „Пасцеяди“ было местами слишком суровым и посему несогласным с духом любви; казалось также, что некоторые мероприятия Пия X, именно допущение к причастию малых детей, — опрометчивы, несогласны с добродетелью благоразумия. Но, при более внимательном изучении этих вопросов, выяснилось, что строгие меры, к которым Пий X прибегнул в осуждении модернизма, требовались обстоятельствами; они вовсе не исходили от гневного характера, а, как раз наоборот, из пастырской любви, любви отца, который знает и понимает, когда, как и где должна быть применена строгость. А постановление о причащении малых детей вполне соответствует сверхприродному благоразумию святых.

Каноническое дознание закончилось сравнительно скоро и легко: чудеса и духовные милости, посылаемые Господом в ответ на призывание помощи первосвященника-старца, стали после смерти его настолько многочисленными, повсеместными и разнообразными, что в святости — исключительной близости к Богу — почившего нисколько нельзя было сомневаться.

В воскресенье 11 февраля 1951 года, в день праздника явления в Лурде Непорочно Зачатой, папа Пий XII обнародовал декрет Священной Конгрегации Обрядов о беатификации „достославного раба Божия Его Святейшества Пия X“. Обряд причисления Пия X к лику блаженных состоялся по обычному чину в соборе св. Петра.

Но простая беатификация не удовлетворила желаний и чаяний церковного народа. Убеждение благочестивых людей в святости Пия X всё росло, умножалось, укреплялось. Народ желал его полной канонизации. Несколько крупных чудесных исцелений засвидетельствовали благодатное происхождение этих пожеланий. Так, в 1951 году в Неаполе адвокат Франциск Бальзани был безнадежно болен, его легкие покрылись язвами; 26 августа появились признаки быстро приближающейся смерти; тогда супруга больного положила ему на грудь иконку блаженного Пия X и стала молиться к нему: наступило мгновенное совершенное исцеление, признанное чудесным врачами разных идеологических направлений. В начале 1952 года монахиня Людовика Скорция заболела очень тяжёлой формой инфекционного менингита; по единодушному суждению врачей, дни её были сочтены; монахини её монастыря стали совершать особые моления к блаж. Пию X: утром 14 февраля она встала совершенно здоровой и пошла исполнять свои монастырские работы,

несмотря на то, что ещё накануне она была безнадежно больной. И в этом случае врачи, тщательно изучив дело, признали, что имеется налицо подлинное чудо.

Решено было приступить к канонизации Пия X. Это торжество состоялось 29 мая 1954 года вечером. Чтобы дать возможность присутствовать на нём многочисленным паломникам, нарочно для этого приехавшим в Рим не только из Италии, но даже из разных уголков Азии или Африки, чин канонизации Пия X совершался не в соборе св. Петра (вмещающем только около 50.000 человек), но на площади перед собором. Папа Пий XII прибыл на паперть собора, возглавляя в полном облачении крестный ход, в котором приняло участие, кроме нескольких тысяч священников, семинаристов и монахов разных орденов, — 42 кардинала (в том числе восточные кардиналы Таппуни и Агаджаниан) и 460 архиереев. После молитвенных призываний к Св. Духу, был оглашён декрет: папа Пий XII „по совету Братьев наших Святой Римской Церкви кардиналов, патриархов, архиепископов и епископов“, причисляет к лику святых блаженного папу Пия X. Затем последовало пение гимна „Тебя Бога хвалим“ и тропаря новому святому. Празднование памяти св. Пия X приурочено к 20 августа.

На следующий день, в виде заключения канонизации, в соборе св. Петра состоялось тор-

жественное богослужение в присутствии папы Пия XII.

На канонизации Пия X присутствовали не только выдающиеся личности из итальянского общественного и культурного мира, но и многие иностранцы, среди которых были и президенты республик, и министры, и члены старинных европейских династий — Габсбургов, Гогенцоллернов, Бурбонов и др. В трибуне дипломатов находились особые делегации от правительств Италии, Испании, Колумбии, Ирландии, Франции, Португалии, Филиппин, Австрии, Аргентины, Гаити, Боливии, Чили, Бельгии, Ливана, Венесуэлы, Ирана, Уругвая, Голландии, Никарагуы, Костарики, Либерии, Египта, Японии, Сирии, Великобритании, Кубы, Бразилии, Парагвая, Индонезии, Перу и т. д.

Но гораздо более утешительным и назидательным было то всецерковное духовное горение, которое проявили благочестивые итальянцы и католические паломничества из Канады, Мексики, Швейцарии, Англии, Голландии, Мальты, Скандинавских стран, Соединённых Штатов, всех стран Южной Америки и всевозможных государств Азии, Африки и Австралии. Благодатный восторг этих масс церковного народа из чуть ли не всех частей католического мира не поддаётся описанию. В центре христианства все чувствовали и сознавали себя членами единой великой вселенской Церкви Христовой, соединёнными между собою узами бла-

годатного братства во Христе, исполненными духа чисто церковной соборности. Все давали себе отчёт в том, что канонизация Пия X, как и все другие проявления жизни всецерковного Тела Христова, в значительной мере — их дело, ответ на их чаяния. Этими же чувствами были несомненно проникнуты присутствовавшие на прославлении Пия X его многочисленные родственники, в том числе один священник, трудящийся на апостольской ниве в Бразилии.

По случаю канонизации Пия X в разных странах света происходили благочестивые собрания и совершались разные богослужения.

В нашу эпоху, когда наступление безбожия против религии вообще и в особенности против Церкви ведётся по всему миру, и притом с небывалыми ещё в истории христианства размахом и напряжённостью, призывы св. Пия X к верности Господу нашему Иисусу Христу имеют для нас особенное значение. Как все великие и святые папы всех времён, он держал высоко знамя главенства Христова в Церкви, он не допускал, чтобы церковными делами заведывали сильные мира сего. Он вновь и вновь напоминал всем, что спасения от всех зол надо искать прежде всего во Христе и в Его учении, что вся жизнь человека и вся его деятельность должны быть определяемы, поддерживаемы и освящаемы Евангелием. Он дал пример безоговорочного следования заветам Спаси-

теля: он любил своих врагов не только на словах, а жертвенно, отказывая себе во всё, чтобы им помочь. Он был весь проникнут заповедями нагорной проповеди: простота, кротость, смирение, чистота сердца и терпение в гонениях за веру были его отличительными чертами. Он любил Церковь, как подобает наместнику Христа, верховному блюстителю вечного главенства Христова в Церкви. Вся тактика воинствующего мирового антихристианства всегда была направлена к тому, чтобы оторвать от Рима возможно более верующих и заменить единую вселенскую Церковь рядом враждебных Св. Престолу и покорных посторонним властям обособленных национальных Церквей; Пий X противостоял этой тактике с поразительным, подлинно подвижническим мужеством. Да поможет он нам теперь своим заступничеством перед Спасителем, несмотря на все гонения, оставаться верными Христу и Его святой Церкви.
